

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 68–73. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 68–73. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN FOPBCI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73>

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1937 Г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Азаров Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Аннотация. Статья посвящена характеристике торжеств, приуроченных к сотой годовщине смерти А.С. Пушкина, которые проходили не только в СССР, но и в русском зарубежье. В 1935 г., согласно постановлению советского правительства, был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет под председательством А.М. Горького. На проведение различных мероприятий Комитету выделялись значительные средства, что позволило выпустить научное собрание сочинений. Праздничные мероприятия планировала и русская эмиграция, которая организовала собственные комитеты и приступила к реализации независимой издательской программы. В процессе анализа сравнивается деятельность комитетов в Париже и Праге, при этом подчеркивается, что она не была связана с работой советских комитетов, созданных под эгидой Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. Цитируются документы, подтверждающие, что в Чехословакии в условиях установления дипломатических отношений с СССР и заключения Договора о взаимопомощи местные власти, уступив настояниям советской стороны, отказались от поддержки мероприятий, организованных эмиграцией. В результате Союз русских писателей и журналистов в Праге вынужден был сократить широкую программу пушкинских торжеств. Таким образом, в 1937 г. в Праге, как и в Париже, прошли параллельные празднования, несравнимые по своему размаху, но тем не менее одинаково важные для увековечения наследия Пушкина и популяризации его творчества за границей.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, А.С. Пушкин, столетие смерти, русский Париж, русская Прага, юбилейные мероприятия, два «потока» русской литературы.

Для цитирования: Азаров Ю.А. Пушкинский юбилей 1937 г. в Чехословакии // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 68–73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73>

Research Article

PUSHKIN'S JUBILEE OF 1937 IN CZECHOSLOVAKIA

Yuri A. Azarov, DSc in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the celebrations dedicated to the hundredth anniversary of death of A.S. Pushkin, which took place not only in the USSR, but also in the Russian exile. According to the decree of the Soviet government in 1935, the All-Union Pushkin's Committee was established under the chairmanship of A.M. Gorky. The Committee was allocated significant funds for various events, which made it possible to publish a scientific collection of Pushkin's works. The Russian émigré organizations also took an active part in the preparation of the festive events, organized own committees and began implementing its own publishing program. The analysis suggests comparison of the activities of the committees in Paris and Prague, while emphasizing that they were not related to the work of the Soviet committees created both in the USSR and abroad under the auspices of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries. Documents are cited confirming that in Czechoslovakia, in the conditions of the establishment of diplomatic relations with the USSR and the signing of a Mutual Assistance Agreement, local authorities, yielding to the insistence of the Soviet side, refused to support the émigré celebrations. As a result, the Union of Russian Writers and Journalists in Prague was forced to abandon its broad program of Pushkin's celebrations. Thereby, in 1937 parallel celebrations were held in Prague, as in Paris, not comparable in scale, but nevertheless equally important for perpetuating the heritage of Pushkin and popularizing his work abroad.

Keywords: Russian émigré literature, A.S. Pushkin, centenary of death, Russian Paris, Russian Prague, anniversary events, two “streams” of Russian literature.

For citation: Azarov Yu.A. Pushkin's Jubilee of 1937 in Czechoslovakia. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 68–73 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73>

10 февраля, в день смерти А.С. Пушкина, часто вспоминают 1937 г., когда столетие этой даты, говоря без преувеличения, отмечалось на международном уровне и с беспрецедентной по масштабу «небывалой широтой» [Азаров]. Торжества проходили не только на родине поэта, но и в русском зарубежье, где Пушкина почитали как непреходящее воплощение отечественной культуры, которую в изгнании необходимо сохранять и поддерживать.

В то время подготовка к юбилею (именно так называли 100-летие этого трагического события) проходила в СССР на правительственном уровне. Согласно постановлению ЦИК от 16 декабря 1935 г., был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет под председательством А.М. Горького: «В связи с предстоящим празднованием столетнего юбилея со дня смерти великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы – Александра Сергеевича Пушкина...» [Известия: 953]. С целью проведения мероприятий по увековечению памяти Пушкина среди народов СССР и содействия популяризации его творчества были организованы комитеты «на местах» – в республиках, краях, областях, в городах и колхозах, в учреждениях, на заводах, в школах и вузах, в том числе на Сахалине и Шпицбергене. На проведение различных мероприятий Всесоюзному Пушкинскому комитету правительство выделило значительные средства.

К работе были привлечены крупные советские издательства – планировались издания массовыми тиражами произведений Пушкина, подготовка собраний сочинений. Постановление ЦИК послужило также основанием для осуществившегося уникального проекта академического собрания сочинений (Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16-ти тт. / ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди и др., М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959), которое стало наиболее полным собранием сочинений: предшествующие издания не охватывали все творчество поэта и не отличались текстологической безупречностью. Начатое до революции (1899 г.) двенадцатитомное собрание сочинений осталось незавершенным: в 1916 г. увидел свет пятый том, в 1928 г. – шестой, после чего издание было прервано.

Очевидно, что зарубежье потенциально не обладало достаточными силами и средствами для научно апробированного издания пушкинских текстов. В эмиграции пушкинисты по причине недоступности основного корпуса архивных материалов, находящихся в Советской России, не имели возможности вести текстологические разыскания с целью подготовки подобных изданий. И тем не менее, эмиграция стремилась внести посильный вклад в исследование наследия поэта, что нашло воплощение в юбилейной пушкиниане зарубежной России, которая пополнилась серьезными биографическими и литературоведческими исследованиями.

В конце февраля 1935 г. в эмигрантском Париже был организован Пушкинский комитет, который поставил перед собой аналогичную задачу – самым достойным образом отметить сотую годовщину гибели поэта. Празднование, по мнению основателей комитета, одновременно станет залогом сплочения эмиграции, разбросанной по разным странам. Основой объединения должно послужить имя Пушкина, которому, по определению А.Л. Бема, «удалось сочетать свою “европейскость”, далеко опередившую русскую действительность, с “русскостью”, с верностью основам и русской культуры и русскому национальному духу» [Бем 1996: 284].

О предыстории создания Пушкинского комитета в Париже вспоминал Сергей Лифарь, принимавший в подготовке юбилейных мероприятий самое активное участие. Общие задачи его деятельности были изложены в постановлении Русского национального комитета, принятом 21 ноября 1934 г., в котором говорилось следующее: «Пока Париж является мировым центром наибольшего скопления русских квалифицированных интеллектуальных сил, естественно, что общее руководство делом Пушкинского юбилея должен взять особый “Пушкинский комитет” из наших знаменитых писателей, академиков, ученых-пушкинстов, журналистов и других представительных лиц именно в Париже. Повсюду на местах должны составиться местные Пушкинские Комитеты для сотрудничества с центром» [Лифарь: 58, 59].

Необходимо отметить, что программы планировавшихся в Советской России и в зарубежье мероприятий имели целый ряд общих черт. Это прежде всего создание комитетов – в СССР и в зарубежье главную задачу видели в том, чтобы вывести чествование великого поэта на международный уровень. При этом Парижский комитет имел весомое преимущество: эмигранты были рассеяны по всему миру, а данное обстоятельство, как считало его руководство, следует в полной мере использовать. Забегая вперед, можно утверждать, что поставленную задачу эмиграции осуществить удалось. Согласно сохранившимся документам, в 1937 г. юбилейные мероприятия проходили «...во всех частях света: в Австралии – в 4 городах, в Азии в 8 государствах и 14 городах, в Америке в 6 государствах и 28 городах, в Африке в 3 государствах и в 5 городах, а всего в 42 государствах и в 231 городе» [Лифарь: 61].

По понятным причинам издательская программа Пушкинского комитета в Париже не могла сравниться с советской, однако и она впечатляет своей значительностью, что подтверждается сведениями, приводимыми в воспоминаниях Лифаря. Был задуман и впоследствии издан доступный по цене и тексту-

ально выверенный однотомник сочинений Пушкина, однако на содержание сборника – по причине недоступности первоисточников – составителями были наложены ограничения. В него вошли произведения, изданные при жизни автора, а также тексты, ранее публиковавшиеся по сохранившимся чистовым рукописям. Была сформирована редакционная комиссия в составе М.Л. Гофмана, Н.К. Кульмана, Г.Л. Лозинского, К.В. Мочульского, А.В. Тырковой, В.Ф. Ходасевича; ее работу в качестве председателя на начальном этапе возглавил И.А. Бунин.

В Праге, еще одном значительном центре русского рассеяния, задачу организации пушкинских торжеств взял на себя Союз русских писателей и журналистов (СРПЖ) (1922–1942), представлявший собой наиболее авторитетное творческое объединение эмигрантов в Чехословакии, которое более всего соответствовало задаче популяризации Пушкина.

Сохранились заполненные при вступлении (Союз имел формальное членство) анкеты А.В. Амфитеатрова, А.Л. Бема, В.Ф. Булгакова, С.И. Варшавского, Б.А. Евреинова, С.В. Завадского, А.А. Кизеветтера, Е.А. Ляцкого, Н.М. Могилянского, С.П. Постникова, П.Н. Савицкого, Е.Н. Чирикова, К.А. Чхеидзе и др. Обязанности председателя правления в разные годы исполняли П.А. Сорокин (в 1923 г. уехал в США), Завадский, Булгаков, Вас. И. Немирович-Данченко, Чириков, Могилянский, Н.И. Астров, Варшавский. Правление вело самую активную работу, о чем свидетельствуют отложившиеся в РГАЛИ документы: архив Союза поступил в Русский заграничный исторический архив в Праге и после войны был передан СССР. Даже неполное перечисление документов дает представление о широте деятельности Союза – как в Чехословакии, так и в других центрах зарубежья. Это обширная переписка с Министерством иностранных дел, Национальным чехословацким советом, Славянским институтом, Чешско-русским объединением «Еднота», Всеславянским комитетом помощи русскому народу («Лига»), Комитетом «День русской культуры» в Чехословакии, литературным кружком «Скит» («Скит поэтов»), Обществом Достоевского, югославским представительством Земгора, редакциями газеты «Последние новости» и журнала «Современные записки», Союзом русских литераторов и журналистов в Париже, союзами русских писателей и журналистов в Польше и Югославии, а также с Буниным, Н.О. Лосским, В.В. Набоковым, Ф.А. Степуном, П.Б. Струве, Ходасевичем, И.С. Шмелевым и многими другими корреспондентами.

Члены Союза уже имели богатый опыт организации публичных мероприятий (в том числе посвященных Пушкину) – литературных и литературно-музыкальных вечеров и собраний, приуроченных к юбилейным датам: 15-летию со дня смерти Л.Н. Тол-

стого, 100-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина, 50-летию со дня смерти Н.А. Некрасова. Были проведены литературные вечера, посвященные памяти С.А. Есенина, А.Т. Аверченко, П.П. Потемкина, В.Г. Короленко, А.К. Толстого.

Деятельность Союза имела свои отличительные черты. Объединение позиционировало себя как неполитическую (насколько это возможно в условиях политической эмиграции) ассоциацию, принимавшую в свои ряды не только писателей, но и представителей академических кругов. В период 1922–1932 гг. в Союзе насчитывалось 168 действительных членов (в их числе Лосский, П.Б. Струве, М.И. Цветаева) и 5 почетных (И. Голечек, Завадский, А. Иракс, Немирович-Данченко, Чириков). Членом Союза состоял С.Я. Эфрон, избранный в состав правления и выполнявший обязанности казначея.

1 июня 1935 г. состоялось посвященное Пушкину общее собрание, которое вел председатель Союза Варшавский [Хроника: 319]. Он оставался председателем и в период немецкой оккупации, после освобождения Праги советскими войсками в 1945 г. судьба его сложилась трагически: Варшавский был арестован и погиб в Карагандинском ИТЛ. Несмотря на объявленный неполитический характер Союза, в его деятельность постоянно вмешивалась политика, что в наибольшей степени отразилось на подготовке к столетней годовщине гибели Пушкина. Согласно мнению М.Д. Филина, «эмигрантский праздник Пушкина и задумывался, и осуществлялся не только как грандиозное культурное мероприятие, но и как политическая акция – *самая крупная политическая акция за всю историю Зарубежной России*» [Филин: 24]. Бурную дискуссию вызвал вопрос о подготовке к этому событию и вынужденных ограничениях числа мероприятий. Складывавшуюся в то время двусмысленную в политическом отношении ситуацию поясняет исследование А.В. Копршиовой, которая отмечает факт резкой перемены во взаимоотношениях местных властей и эмиграции: «Представители Министерства иностранных дел хорошо знали, что в СССР крайне отрицательно относятся к помощи российским эмигрантам со стороны Чехословакии. На закрытом заседании чиновников МИДа К. Крофта (Камиль Крофта, в 1936–1938 гг. министр иностранных дел Чехословакии. – Ю. А.) официально заявил, что “в будущем будет неприемлемо участие чехословацких официальных представителей в акциях русской и украинской антисоветской эмиграции”» [Копршиова: 255].

К этому можно добавить, что обстановка вокруг СРПЖ осложнялась «внелитературными» политическими обстоятельствами: угрозой со стороны фашистской Германии, претендовавшей на Судетскую область, что в результате привело к Мюнхенскому соглашению 1938 г. 16 мая 1935 г. (т. е. незадолго

до упомянутого собрания СРПЖ) был заключен Договор о взаимопомощи между СССР и Чехословакией, в котором говорилось, что обе страны окажут друг другу помощь в случае нападения третьей державы. Примечательно, что подписание договора нашло поддержку в самых широких кругах чехословацкой общественности. В итоге правление было вынуждено занять компромиссную по отношению к властям позицию, отказавшись по этой причине от расширенной программы юбилейных торжеств.

Так, Варшавский поставил на повестку собрания два вопроса: о проектах организации в Праге Пушкинского комитета и Пушкинского издательского общества. Он ознакомил аудиторию с проектом программы мероприятий учредительного собрания Пушкинского комитета в Париже, а также с обращением известного чешского пушкиниста Индржиха Наймана, переводчика «Евгения Онегина» и «Полтавы», который предложил программу, согласно которой пушкинские мероприятия в Праге должны превратиться в торжества общеславянского значения. В ходе прений с участием Бема, Булгакова, А.А. Аргунова, Немировича-Данченко речь шла о настоятельной необходимости, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, создания Пушкинского комитета в Праге, «но с тем, чтобы он не являлся простым отделением Парижского комитета, а действуя с означенным комитетом в полном контакте, учел бы всю сложность обстановки, которая может создаваться в связи с пушкинским юбилеем ввиду относящихся к этому юбилею советских мероприятий и сочувствия этим мероприятиям местных кругов» [Документы: 102]. Речь шла и о сложностях при подготовке программы, поскольку на то же время планировались акции, организованные советским посольством. Члены Союза всячески стремились избежать конфликта с чехословацкими властями, поэтому проект чешского пушкиниста не получил одобрения, что и было зафиксировано в протоколе: «С этой точки зрения надлежит проявить особую сдержанность в отношении проекта г-на Наймана; при всей симпатии, которую заслуживает этот восторженный искренний поклонник Пушкина, проект его вряд ли является осуществимым при данных условиях, так как идет, в известной степени, вразрез с той линией подготовки к пушкинскому юбилею, которая намечается в местных компетентных сферах» [Документы: 101]. В ходе дальнейших прений собрание все же вынесло постановление об организации в Праге Пушкинского комитета в составе: председателя Союза писателей, его заместителя, почетных членов Немировича-Данченко и Завадского и «действующих» членов Бема и Ляцкого. Из лиц, не состоящих в Союзе, в комитет вошли графиня С.В. Панина, председатель Объединения русских организаций в Чехословакии князь П.Д. Долгоруков и филолог-славист академик В.А. Францев.

Далее председатель ознакомил собрание с проектом организации Пушкинского книжного общества. По этому вопросу были высказаны противоположные мнения. Так, Бем полагал, что в настоящих условиях лучше издавать отдельные книги, руководствуясь результатами предварительной подписки («идти от книги к книге») [Документы: 102], а не создавать новое издательство при полном отсутствии необходимых средств. Бем высказал пожелание, чтобы Союзом был издан собственный пушкинский сборник. В результате бурной дискуссии была принята резолюция, поддержавшая план организации кооперативного издательского общества, в чем правление должно отчитаться на очередном общем собрании.

Впоследствии за подписью Варшавского был подготовлен проект письма от имени Союза о сборе средств на организацию издательского общества, который призывал эмигрантов делать пожертвования на это благородное дело. В нем, помимо прочего, говорилось:

«Русское книжное дело за границей переживает исключительно трудное время в связи с общим экономическим кризисом и обеднением эмиграции... Поэтому первой книгой, которая должна быть создана книжным обществом, будет «Книга о Пушкине». Общество должно получить название «ПУШКИНСКОЕ КНИЖНОЕ ОБЩЕСТВО»» [Документы: 103, 104].

Однако необходимых средств собрать не удалось, поэтому проект канул в Лету: каких-либо сведений о деятельности Пушкинского издательского общества в Праге обнаружить не удалось.

Очевидно, что в условиях нарастания военно-политической напряженности советская программа пушкинских торжеств получила в Праге всестороннюю поддержку, однако, по мнению советской стороны, эта поддержка содержала некоторые сомнительные обстоятельства. Планом проведения пушкинского юбилея за рубежом занималось Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), которое в то время возглавлял бывший полпред (1929–1933 гг.) СССР в Чехословакии А.Я. Аросев (отец Ольги Аросевой, репрессирован в 1938 г.). Так, в 1935 г. в Праге был создан правительственный Пушкинский комитет под председательством премьер-министра М. Годжи, в Брно – Комитет по организации пушкинских торжеств в Моравии и Силезии под председательством В. Гольберга, декана философского факультета Университета Масарика. При этом какое-либо участие эмиграции в мероприятиях не предполагалось.

Однако в «Справке о подготовке к пушкинскому юбилею за границей на 15 ноября 1936 г.», представленной правлением ВОКС во Всесоюзный Пушкинский комитет, Аросев высказал серьезную озабоченность возможным участием эмиграции в юбилейных мероприятиях: «Инициатива празднования взята

на себя в Праге “Славянским уставом” (правой организацией) (*чеш. Slovanský ústav* – Славянский институт. – *Ю. А.*). Обеспечивается патронаж Бенеша и Министерства иностранных дел и просвещения... В Брно Комитет организован по инициативе Масариковского университета с участием Общества Культсвязи с СССР (Брненский филиал), Брненской консерватории, Союза Моравских композиторов, Драматического и оперного театров, Радиожурнала, Чешского и немецкого союзов Народных университетов и др. Председатель – Владимир Гельферт... Комитет (Всесоюзный. – *Ю. А.*) решительно отклоняет участие белоэмигрантов в праздновании» [Солдатова: 212]. Очевидно, что последнее замечание для советских организаторов пушкинских мероприятий в Чехословакии было наиболее важным.

В конце декабря 1936 г. в Москву вновь поступила информация о нежелательной деятельности эмиграции в этом направлении. Аросев доводил до сведения Всесоюзного Пушкинского комитета следующее: «Вышел в свет первый том четырехтомного издания сочинений Пушкина в чешских переводах под редакцией проф. Бема (бывший белый, ныне чешский гражданин) и проф. Р. Якобсона (известный Вам советский гражданин, бывший сотрудник Полпредства, ныне подал заявление чешским властям о принятии чехословацкого гражданства). В организационных работах правительственного Пушкинского комитета принимает участие проф. Францев (бывший белый, ныне чешский гражданин)» [Солдатова: 212].

Таким образом, в 1937 г. в Праге проходили параллельные пушкинские мероприятия, несопоставимые, однако, по масштабу. Программа Союза писателей и журналистов имела скорее «камерный» характер и открывалась собранием в память годовщины со дня смерти Пушкина, проведенным 29 января Пражским Пушкинским комитетом в помещении философского факультета Карлова университета [Хроника: 407]. На собрании председательствовал Ляцкий, в президиум были избраны графиня Панина и Францев. Последний сделал доклад «Пути гения», Ляцкий – доклад «Три источника». После официальной части состоялся концерт с исполнением романсов на слова Пушкина и с декламацией стихов в чешском переводе. В тот же день в храме св. Николая на Староместской площади отслужили панихиду по Пушкину – мероприятие, проведение которого советская сторона не планировала. 13 мая комитет Дня русской культуры организовал в Пражской городской библиотеке посвященное Пушкину торжественное заседание с литературно-музыкальным отделением [Хроника: 431]. Вступительное слово произнесла Панина, а приглашенный из Парижа за счет СРПЖ И.С. Шмелев произнес речь «Заветная встреча», в которой была раскрыта суть отношения эмиграции к Пушкину:

«И потому наша с ним “встреча”, вне родины, знаменательна. Мы как бы слышим: “помни свое, какой ты стихии, какого корня: эта стихия дала нам Пушкина! познай свое место в мире, и головы не клони!” <...> Есть у народов книги вдохновенных, гениев, пророков. В години поражений и падений народы черпают в них силу. У нас – он, Пушкин» [Шмелев: 5]. В числе публикаций необходимо упомянуть и вышедший в Ужгороде (до 1938 г. в составе Чехословакии) юбилейный сборник статей Бема, в предисловии к которому шла речь о недостатке в зарубежье литературы, посвященной Пушкину: «Задача настоящей книги восполнить пробел, существующий в русской литературе о Пушкине за пределами России. В дни столетнего юбилея со дня смерти великого русского писателя, несомненно, возрастет интерес к его личности и творчеству. Необходимо дать в руки каждому, кто хотел бы получить самые необходимые сведения о Пушкине или кто пожелал бы воскресить в памяти черты его личности, книжку, удовлетворяющую этим потребностям» [Бем 1937: 5].

В заключение следует отметить, что память о великом поэте – при учете политических обстоятельств – объединяла не только эмиграцию, но и зарубежную и Советскую Россию. Символично, что столетие со дня гибели Пушкина торжественно отмечалось в СССР, в Париже и русской Праге, хотя в основе юбилейных мероприятий лежали разные идеологические составляющие. Вместе с тем стоит обратить внимание на важнейший для русской литературы XX в. историко-литературный факт: русская литература временно разделилась на два «потока», которые рано или поздно должны были сойтись, и они, действительно, встретились – во многом благодаря гению Пушкина, всегда остававшегося непреходящим национальным символом, стоящим выше любых факторов идейного разделения. Что касается зарубежья, то именно в Пушкине, празднуя его юбилей, оно видело залог грядущего возрождения, в чем был убежден Бунин: «...до самых священных недр своих поколеблена Россия. Не поколеблено одно: наша твердая вера, что Россия, породившая Пушкина, все же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих, и что воистину не одолеют ее до конца силы адовы» [Бунин: 418].

Список литературы

Источники

Бунин И.А. Слово о Пушкине // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / сост. М.Д. Филин. Москва: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 495 с.

Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 17 декабря 1935 г. № 292. С. 953–954.

Шмелев И.С. Заветная встреча // Меч (Варшава). 1937. 14 февр. № 6. С. 5.

Исследования

Азаров Ю.А. С небывалой широтой // Русский мир: портал. URL: https://russkiymir.ru/publications/85373/?sphrase_id=1624085 (дата обращения: 13.05.2024).

Бем А.Л. Чудо Пушкина // Бем А.Л. Письма о литературе / сост. и авт. предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ústav: Euroslavica, 1996. С. 282–285.

Бем А.Л. О Пушкине: статьи. Ужгород: Письмена, 1937. 111 с.

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская и др.; предисл. и введ. З. Сладека. Прага: Изд-во Славянского ин-та АН ЧР: Еурославика, 1998. 344 с.

Копршилова А.В. Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки // Записки Русской академической группы в США. 1999–2000. Т. 30. С. 251–259.

Лифарь С. Всемирный Пушкинский Зарубежный Комитет 1937 года // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. С. 51–106.

Солдатова Л.М. Пушкинский юбилей 1937 года за границей. Литература и политика // Literary.ru: О литературе: портал [2008. 26 февр. С. 202–214]. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204027734&archive=1205324254&start_from=&ucat=&&ysclid=1w7im199au192463804 (дата обращения: 15.05.2024).

Филин М.Д. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937): в 2 т. Т. 1 / сост., предисл. М.Д. Филина. Москва: Эллис Лак, 2000. С. 5–50.

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. II: 1930–1939 / под общ. ред. Л. Белошевской. Прага: Изд-во Славянского ин-та АН ЧР, 2001. 639 с.

Reference

Azarov Yu.A. *S nebyvaloi shirotai* [With unprecedented breadth]. *Russkii mir: portal* [The Russian world: portal]. URL: https://russkiymir.ru/publications/85373/?sphrase_id=1624085 (access date: 13.05.2024). (In Russ.)

Bem A.L. *Chudo Pushkina* [Miracle of Pushkin]. Bem A.L. *Pis'ma o literature* [Letters on literature], comp. and pref. by M. Bubenikova, L. Vakhlovskaja;

ed. by L. Beloshevskaja. Prague, Slovanský ústav Publ., Euroslavica, 1996, pp. 282–285. (In Russ.)

Bem A.L. *O Pushkine: Stat'i* [About Pushkin. Articles]. Uzhgorod, Izd. "Pis'mena" Publ. Uzhgorod, 1937, 111 p. (In Russ.)

Dokumenty k istorii russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike (1918–1939) [Documents on the history of Russian and Ukrainian emigration in the Czechoslovak Republic (1918–1939)], comp. by Z. Sladek, L. Beloshevskaja et al.; pref. and introd. by Z. Sladek. Prague, Izd-vo Slavianskogo in-ta AN ChR; Euroslavica Publ., 1998, 344 p. (In Russ.)

Filin M.D. *Ot sostavitelia* [From the compiler]. *Tsentrāl'nyi Pushkinskii Komitet v Parizhe (1935–1937)* [Central Pushkin Committee in Paris (1935–1937)]: in 2 vols., vol. 1, comp., pref. by M.D. Filin. Moscow, Ellis Lak Publ., 2000, pp. 5–50. (In Russ.)

Khronika kul'turnoi, nauchnoi i obshchestvennoi zhizni russkoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike [Chronicle of the Russian émigré cultural, scientific and social life in Czechoslovak Republic], vol. II: 1930–1939, ed. by L. Beloshevskaja. Prague, Izd-vo Slavianskogo in-ta AN ChR Publ., 2001, 639 p. (In Russ.)

Koprshivova A.V. *Pushkinskii iubilei 1937 goda v Chekhoslovatskii na fone politicheskoi obstanovki* [Pushkin's anniversary of 1937 in Czechoslovakia against the backdrop of the political situation]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA], 1999–2000, vol. 30, pp. 251–259. (In Russ.)

Lifar' S. *Vsemirnyi Pushkinskii Zarubezhnyi Komitet 1937 goda* [World Pushkin's Foreign Committee, 1937]. *Tsentrāl'nyi Pushkinskii Komitet v Parizhe (1935–1937)* [Central Pushkin Committee in Paris (1935–1937)]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2000, pp. 51–106. (In Russ.)

Soldatova L.M. *Pushkinskii iubilei 1937 goda za granitsej. Literatura i politika* [Pushkin's anniversary of 1937 abroad. Literature and politics]. *Literary.ru: O literature: portal* [About literature: portal], 2008, 26 febr., pp. 202–214. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204027734&archive=1205324254&start_from=&ucat=&&ysclid=1w7im199au192463804 (access date: 15.05.2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.